

Пасечник Татьяна Борисовна

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/46.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 120-122. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Проявление лермонтовской традиции в данном случае можно наблюдать на примере лирического сюжета: мотив сна часто становится лейтмотивом стихотворения, приобретает предельную чёткость взамен ирреальной условности. Символическая и композиционная усложнённость стихотворений контрастирует с подчеркнутой простотой художественных средств (общепозитивские или нейтральные эпитеты, сравнения вместо сложных метафор). Но и для Лермонтова, и для Анненского очень важен сложный музыкальный рисунок, создаваемый посредством инструментовки стиха - внутренних рифм, ассонанса, аллитерации в сочетании с анафорами и стыками («В полдневный жар в долине Дагестана... лежал недвижим я... И солнце жгло их жёлтые вершины и жгло меня...» - Лермонтов [3, с. 45]. «Сила Господняя с нами, / Снами измучен я, снами...» - Анненский [1, с. 88]). В обоих случаях сон оказывается состоянием, пограничным между реальной жизнью и другим миром, поэтому именно во сне человеческой душе открывается то, чего она не может постигнуть наяву. Но сквозь сон в сознание лирического героя проникает и вся трагичность жизни - прошлой, будущей, настоящей. Так в стихотворении Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...») представлен сюжет будущей гибели лирического героя, а в стихотворении Анненского «Сила господняя с нами» - напоминание о не вечности, обречённости земной жизни.

У Георгия Иванова мотив сна обычно принимает метафорическое значение. Сон как лирический сюжет редко появляется в его стихотворениях. Вот один из примеров: «Он спал, и Офелия снилась ему / В болотных огнях, в подвенечном дыму. / (...) ... Как просто страдать! Можно душу отдать / И всё-таки сна не уметь передать. / И зная, что гибель стоит за плечом, / Грустить ни о ком, мечтать ни о чём. / («Он спал, и Офелия снилась ему...») [2, с. 94].

Чаще всего сон выступает как метафорический образ самой жизни:

«Долгие годы мне многое снилось, / Вот я проснулся - и где эти годы?»

(«Всё неизменно и всё изменилось...») [Там же, с. 121]. «А если не предрешено? / Тогда... И я могу проснуться / (О, только разбуди меня!). («Луны начищенный пятак...») [Там же, с. 123].

Не метафорическое, а буквальное значение сна в поэзии Георгия Иванова связано с возможностью освобождения из тесного, замкнутого круга реальности: «Нас не обманывают только сны. / Сон - всегда освобождение: мы / Тайно, безнадежно влюблены / В рай за стенами своей тюрьмы. / Миллионеру - снится нищета. / Оборванцу - золото рекой. / Мне - моя последняя мечта, / Неосуществимая - покой». («Нас не обманывают только сны...») [Там же, с. 130].

Здесь явлен принцип антитезы, сновидение и явь противопоставлены друг другу. Для других стихотворений Иванова характерен иной тип взаимоотношений сна и реальности - зеркального отражения (и сон, и явь одинаково призрачны, очнуться ото сна или навсегда уснуть - родственные ощущения). Лермонтовскую традицию мы находим во взаимосвязи и взаимном превращении сна и яви: одно раскрывается через другое, стираются грани между иллюзией и реальностью, пророчеством и его исполнением, мечтой и её несбыточностью. Как преломлённые лучи, закономерности яви достигают сна и продолжают своё действие, а наяву вполне уместны принципы и законы сна.

Таким образом, мотив сна незримой нитью соединяет три разных художественных мира, и его проявление в этих мирах подтверждает их родство. Сколько ещё таких связующих нитей - об этом может узнать лишь с помощью подробного и глубокого исследования различных форм «лермонтовского текста» в поэзии Анненского и Иванова. На основе проведенного исследования мы убедились в том, что мотив сна является одним из метафорических ключей к художественному мировоззрению, к пониманию категорий жизни и смерти, свободы и неволи, иллюзии и реальности, истины и обмана, времени и вечности в творчестве каждого поэта.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л., 1988.
2. Иванов Г. В. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1994.
3. Лермонтов М. Ю. Лирика. М., 2006.

УДК 81'373.612.2

Татьяна Борисовна Пасечник

ГОУ ВПО МО «Коломенский государственный педагогический институт»

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ[©]

Осмысление категории времени в языковой картине мира всегда предполагает явное или чаще скрытое сопоставление двух субъектов действия: времени и человека. Анализ показывает, что метафорические фразеологизмы, в которых представлена категория времени, включают субъектно-объектные отношения чело-

века и времени, вследствие этого и сами модели могут быть классифицированы на основании того, *что* или *кто* является в них субъектом действия [3, с. 151].

Как субъект действия время выступает в двух функциях: оно движется (*time flies* - 'время летит'), либо производит какие-либо манипуляции с человеком (*time cures all things (time is the great healer)* (посл.) - 'время - лучший (ис)целитель'). В такой интерпретации прослеживается наделение времени божественными и судьбоносными функциями: время предстает как разумный субъект, подготавливающий условия для дальнейшей деятельности человека.

В исследуемом фразеологическом материале время также может быть представлено и в роли пассивного объекта воздействия (*have (got) time on one's hands; have (got) time to burn* - 'иметь много свободного времени, иметь уйму времени, болтаться без дела').

При всей разнице подходов к изучению проблемы языкового отражения движения времени при описании языковых моделей всегда учитывается как положение времени, так и позиция человека по отношению к нему: время и человек выступают как равноправные величины. Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело с проявлением антропоцентричности как одного из главных признаков, отличающих языковую картину мира от научной картины мира. И поэтому в дальнейшем, вслед за Т. В. Цивьян, мы будем рассматривать и определять время не как некое безотносительное понятие, а с точки зрения самоидентификации человека в той или иной языковой модели [4, с. 75].

В метафорических фразеологизмах английского языка в качестве объекта воздействия время прежде всего уподобляется чему-либо ценному для человека. Поскольку универсальной единицей при оценке материального достатка являются деньги, то в такой интерпретации время характеризуется при помощи метафор, в своём исходном значении относящимся к сфере распоряжения материальными ценностями.

Дж. Лакофф и М. Джонсон обосновывают такое уподобление времени следующим образом: «В нашей культурной среде время особенно ценится. Его ресурсы для нас ограничены. Поскольку в современной западной культуре понятие труда обычно связывается со временем, затрачиваемым на его выполнение, а время подлежит точному количественному измерению, труд людей обычно оплачивается согласно затраченному времени - по часам, неделям или годам. В нашей культуре метафора ВРЕМЯ - ДЕНЬГИ проявляется весьма многообразно... В истории человечества эти общественные установления относительно новы и существуют далеко не во всех культурах. Возникшие в современных индустриальных обществах, они глубоко пронизывают нашу повседневную деятельность» [2, с. 389].

Представляется возможным выделить во фразеологизмах несколько групп метафор времени на основании исходных значений веществ, которые легли в основу метафорического переноса (предварительно оговорившись, что зачастую чёткую границу между ними провести достаточно затруднительно). В такой интерпретации время может быть уподоблено

- деньгам, материальным ценностям: *Time is money* (посл.) - 'время - деньги'; *Friends are thieves of time* (посл.) - 'вор крадет деньги, а друг - время'; *live on borrowed time* - 'жить «взаймы», быть обречённым»; *sell time* (амер.) - 'представлять за плату время для выступления на радио и телевидении'; *buy time* - 'получить возможность за плату выступить по радио или телевидению'. Если время уподобляется деньгам, то и многие характеристики, относящиеся к исходному значению, применимы и ко времени. Исключение здесь составляют те образы, которые вступают в противоречие с самой природой времени в её понимании человеком, например: время может тратиться, расходоваться, но не может накапливаться и т.д.;

- ограниченным запасам жидкости (горючего), которые расходуются человеком: *burn the midnight oil* - 'поздно засиживаться за работой';

- летучим веществам: *Time flies* (этим. лат. *Tempus fugit*) - 'время летит'.

Общим признаком для всех метафорических моделей времени является то, что наличие большого «количества» времени воспринимается положительно: *have all the time of the world* (разг.) - 'иметь уйму времени'; *have the time of one's life* (разг.) - 'переживать лучший период своей жизни, наслаждаться жизнью'.

Кроме того, в английском фразеологизме возможна и констатация полного отсутствия времени. Например: *one's time is up* - 'время кончилось, срок истек'. Однако здесь следует оговориться, что такое «отсутствие» относительно: подобное выражение объясняется тем, что в языковом сознании человека заложено чувство того, что на любое действие отведено какое-то «количество» времени. И таким образом, данное выражение означает лишь то, что на выполнение чего-либо субъект действия не располагает необходимыми ему для этого временными ресурсами.

Также чаще всего негативно оценивается и убывание времени, его растрата, например: *fill in time* (разг.) - 'убить время, заполнить чем-либо жизнь'; *kill time* - убивать время, *lose time* - 'терять время'; *lost time is never found again* (посл.) - 'потерянного времени не воротить'; *mark time* - 'топтаться на месте, бездействовать'. Здесь несомненна переключка с динамическими моделями времени, где одним из обязательных свойств движения времени является его однонаправленность. Движение, как важнейший атрибут категории времени, «диктует» свои законы: «количество» времени, его «запас», отведённые на выполнение любого действия, всегда ограничены. А так как время движется, течёт, то и его количество не может ни оставаться постоянным, ни увеличиваться.

Кроме того, запасы времени, которыми располагает человек, могут «тратиться» по-разному:

- Время расходуется «само по себе» независимо от человека: *Time flies; There is a time for all things (ulu for everything)* - 'всему свое время' (этим. библ. Ecclesiastes III, 1).
- Время тратится непосредственно самим человеком, как субъектом действия: *play (ulu stall) for time* - 'пытаться выиграть время, оттягивать время'; *take one's time (over smth)* - 'не торопиться, не спешить; выжидать, повременить, медлить'; *gain time* - 'выиграть время, оттянуть время'; *make up for the lost time* - 'наверстать потерянное, упущенное время'; *keep abreast of (ulu up with) the times (march ulu move with the times)* - 'не отставать от времени, от жизни, идти в ногу со временем, с эпохой'; *bide one's time* - 'ждать благоприятного момента, случая'.
- Время даётся или забирается кем-то или чем-то (в том числе и некими «высшими силами») у человека: *the time is ripe* - 'время пришло, срок пришел'; *time works wonders* (посл.) - 'время делает чудеса'; *one's time has come* - 'его час пробил'.

Таким образом, проанализировав английские фразеологизмы, можно сделать вывод о том, что направленность движения времени, способ вовлеченности в стихию этого движения человека, характер влияния времени на самого человека и окружающий его мир, способность человека использовать время как объект - вот система ядерных образов метафорического осмысления времени в английской фразеологии.

Список литературы

1. **Кунин А. В.** Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2006.
2. **Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.
3. **Резанова З. И., Мишанкина Н. А., Катунин Д. А.** Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1. 209 с.
4. **Цивьян Т. В.** Лингвистические основы Балканской модели мира. М., 1990.

УДК 81'42

Регина Валерьевна Патюкова
Кубанский государственный университет

ТИП ТЕКСТА КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ И ТИПОФОРМИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ДИСКУРСА: ВИДЫ И ПОДВИДЫ ДИСКУРСА[©]

В лингвистических работах последних десятилетий все большее внимание уделяется исследованию проблем, связанных с дискурсом, его типологией, а также типологией текстов. Дискурс становится одним из основных вопросов изучения как отечественной, так и зарубежной лингвистики. В многочисленных работах, посвященных исследованию дискурса, обнаруживаются различные точки зрения.

Задача данного исследования находится в русле работ, посвященных определению типа текста как составляющего компонента дискурса, выявлению специфики принадлежности типа текста к виду и подвиду дискурса, а также введению понятия «подвид дискурса».

Для решения поставленной задачи необходимо рассмотреть и представить наиболее удобные для нашего исследования дефиниции следующих понятий: текст, дискурс, тип текста, типология дискурсов, виды дискурсов и ввести понятие подвида дискурса.

В современных лингвистических исследованиях понятие дискурса репрезентируется работами ряда учёных. Мы полагаем, что для осуществления исследования наиболее удачными являются дефиниции, представленные в работах В. Е. Чернявской и В. И. Карасика.

В статье «О типах дискурса» В. И. Карасик описывает дискурс «как текст, погружённый в ситуацию общения, который допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания» [1].

В. Е. Чернявская предлагает рассматривать дискурс в генеративно-тематическом аспекте как «конкретное коммуникативное событие, привязанное к определенным прагматическим, ментальным условиям порождения и восприятия сообщения и определенным моделям текстопорождения - типам текста» [4, с. 19].